

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 930:392(47)

ГРНТИ 03.23.07: Historiography and source studies of the History of Russia

А.Д. Резанов

Основные тенденции развития отечественной дореволюционной историографии быта и повседневности Древней Руси

Цель статьи – выявить основные тенденции и главные черты развития русской дореволюционной историографии вопросов быта и повседневности Древней Руси (т. е. периода от складывания государственности у восточных славян в VII–X вв. до разгрома русских княжеств монгольскими нашествиями XIII в.). В ходе историографического анализа трудов по русской истории от XVIII до начала XX в., наиболее важных с теоретической и методологической точек зрения, автор прослеживает путь, который прошла русская историческая наука в рассмотрении столь сложных для изучения вопросов, как материальный и духовный быт восточных славян и Руси, нравы и этика древнерусского человека, аспекты повседневности различных слоев населения. Это позволяет также охарактеризовать как общие черты, так и различия в основных подходах дореволюционной историографии на протяжении трех этапов ее эволюции. Первый – «дворянский» (от В.Н. Татищева до Н.М. Карамзина). Второй – «посткарамзинский» и вытекающий из него «философско-теоретический», с 1826 г. до начала 1870-х. Третий – «этап зрелости» дореволюционной историографии, с 1870-х до 1917 г.

Ключевые слова: историография, повседневность, быт, нравы, Древняя Русь, славяне, древнерусский город, этнография, просвещение, романтизм, позитивизм.

Andrei D. Rezanov

Basic trends of the Russian prerevolutionary historiography's development in the study of ancient Rus' daily routine and everyday life

The article's objective – is to identify the basic trends and main traits in development of the Russian prerevolutionary historiography of ancient Rus' daily routine and everyday life problems (period from the formation of statehood among the Eastern Slavs in VII–X centuries to the defeat of the Russian principalities by the Mongol invasions of the XIII century). In the course of historiographical analysis of works on Russian history from researchers of the XVIII – early XX centuries (most important ones from the theoretical and methodological points of view), the author traces the path that

---

© Резанов А.Д., 2020

© Rezanov Andrei D., 2020

Russian historical science has taken in considering difficult issues to study as material and spiritual daily life of the Eastern Slavs and Rus', ethics and mores of the ancient Russian people, aspects of everyday life of various segments of the population. This will also allow us to characterize both common traits and differences in the main approaches of prerevolutionary historiography during the three stages of its evolution. The first one is the period of «nobiliary historiography» (from V. N. Tatishchev to N. M. Karamzin). The second – «post-karamzin» and the resulting «philosophical and theoretical», from 1826 to the early 1870s. The third is the «stage of maturity» of prerevolutionary historiography, from the 1870s to 1917.

Key words: historiography, everyday life, daily routine, ethics and mores, ancient Rus', Slavs, old Russian city, ethnography, enlightenment era, romantic era, positivism era.

Вопросы быта и повседневной жизни Древней Руси не являются изученными так же масштабно, как проблематика политической и социально-экономической истории данного периода. Безусловно, как мы убедимся в дальнейшем, отдельные аспекты «сферы обыденности» уже давно были в фокусе внимания различных исследователей: историков, этнографов, филологов. Однако заметим, что только сравнительно недавно появился новый тип исследований – фундаментальные труды, целиком и полностью посвященные быту и повседневности Древней Руси, которые, в свою очередь, выступают полноценными объектами системного исследования. Известные примеры: «Повседневная жизнь Древней Руси» А.П. Богданова (2016) [1], «Русская повседневная культура. Обычаи и нравы с древности до начала Нового времени» Т.С. Георгиевой (2014) [2] и «Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI–XIII вв» В.В. Долгова (2007) [3]. Последней работе посвящена рецензия А.В. Петрова. Он отмечает, что «после выхода в свет этой книги («Люди и нравы Древней Руси» Б.А. Романова) монография В.В. Долгова – первое в историографии обобщающее концептуальное исследование темы древнерусской «повседневности» в максимальном объеме этого понятия и на уровне научной фундаментальности, адекватном сложности проблемы» [4, с. 1].

Еще менее изученной является историография данных вопросов: до сих пор не предпринималось попыток систематизированного историографического обзора проблематики «сферы обыденности» первых веков русской истории, особенно касательно историографии XVIII–XIX вв. Между тем в отдельных статьях рассматриваются некоторые историографические аспекты интересующей нас тематики. Помимо упомянувшейся рецензии А.В. Петрова, примечательна статья И.Е. Рудковской «Ретроспективный взгляд на предысторию микроисторических исследований в отечественной историографии (XIX – начало XX в.)» Автор полагает, что «интерес к тому, что сегодня называют микроисторией, локальной историей, предопределил достижения дореволюционной исторической науки в России, обусловил специфику исторических исследований Н.М. Карамзина, И.Е. Забелина, Н.М. Костомарова, М.О. Гершензона и др.» [5, с. 1]. Данное мнение для нас существенно, так как история повседневности тесным образом связана с микроисторией.

Встречаются и другие краткие обзоры – перечни авторов, так или иначе рассматривавших повседневную жизнь, быт и нравы Древней Руси. Например, у В.В. Долгова: «Быт и нравы, история ментальностей, структуры повседневности стали предметом работы историков с конца XIX в. Даже если ограничиться только учеными, занимавшимися изучением русского Средневековья, то список трудов будет достаточно внушительным. Работы отечественных „бытописателей“, таких как И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, Б.А. Романов, позволяют взглянуть в обыденную жизнь человека Древней Руси, представить ее себе во всем многообразии и полноте» [3, с. 2].

Данная же статья представляет из себя целостное описание основных тенденций и характерных черт дореволюционной историографии поставленных вопросов; она основана на рассмотрении трудов

наиболее важных представителей русской исторической науки. Подобный анализ позволит нам не только выявить те самые основные тенденции развития отечественной историографии древнерусской «сферы обыденности», но и проследить корни современных научных работ, которые, безусловно, были бы невозможны без опоры на опыт дореволюционных авторов. Важно обозначить, что категория «история повседневности» используется нами в широком понимании: не просто как современное направление исторической науки со своими методами исследований, но как адекватное и соответствующее времени рассмотрение различных аспектов быта, нравов и повседневности, описание различных структур и ситуаций, относящихся к вышеназванному, т. е. как раз тому, что формирует наше понимание «живой истории». В этом плане такая конструкция, как «повседневность Руси в трудах историков от В.Н. Татищева до П.Н. Милюкова», является уместной.

Первый этап развития русской исторической науки – период «дворянской историографии», охватывающий время от «Истории Российской» В.Н. Татищева до «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Основные черты исторических трудов этого времени: рационализм и прагматизм, особое внимание к внешней и внутренней политике, которую ведет монарх, уверенность во благе монархической власти для страны и народа. Историография носила «дворянский характер», так как в обозначенный период почти все историки были дворянами. Практически единственным источником по истории Руси для исследователей служили летописи, хотя также могли использоваться некоторые другие виды письменных источников (жития святых, свидетельства иностранных путешественников).

В.Н. Татищев не ставил перед собой цели рассмотреть быт и повседневность Руси, полагая это несущественным и не имея источни-

ков для подобных изысканий. Прежде всего он излагал, вслед за летописями, политическую историю. Однако, пересказывая летописи, историк так или иначе привлекал их данные и об аспектах «обычной жизни» Руси. Чаще всего они касались религиозной и этической стороны быта славян: упоминались или даже иногда описывались обряды (повивальные, похоронные, свадебные), основные проявления быта (мытьё в бане, питание, охота, строительство изб). Например: «общее принятие или повивание, омовение и родильной молитвы давание и пр., оно из древности...когда жену к родам схватывать станет, то у нас некоторые весьма прилежат оное утаить, чтоб никто не сведал, думая, якобы в утаении легче родить может. Напротив, другие (народы) нарочно к тому людей более созывают, как мне то неоднократно в Швеции видеть случилось» [6, с. 19]. Почти единственным письменным источником для В.Н. Татищева при написании его «Истории Российской» выступали древнерусские летописи. Несторова летопись, говоря о жизни и обычаях различных славянских племен Древней Руси, как известно, противопоставляет быт и нравы полян остальным, особенно древлянам с их «звериным нравом». С одной стороны, Татищев, пересказывая соответствующий летописный отрывок, не критиковал его, но с другой, важно то, что в нем историк замечал такие аспекты повседневной культуры дохристианской Руси, как питание, погребальная обрядность, игры и отношения полов.

Книга М.В. Ломоносова «Древняя Российская история...» сосредоточена, в отличие от работы Татищева, именно на «древностях», что позволило ученому привлечь больше разноплановых сведений об аспектах быта Руси, не только обрядовой и религиозной повседневности, но и военной, например. Аспекты последней отражены в освящении условий быта и деятельности князя Святослава Игоревича и его дружины. «Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокоению тягостию не

препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мясо и на углях испеченное довольно было к его (князя) насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за шатер служила, в чем все воинство подражало своему государю» [7, с. 81]. Аспекты религиозной повседневности находят свое отражение в описании Ломоносовым древнерусского язычества; нравов и этики восточных славян – в пересказах записок иностранцев. В целом в работе М.В. Ломоносова так же, как и у В.Н. Татищева, мало сведений о быте и повседневности на Руси. Причины этого те же: во-первых, отсутствие необходимого числа источников для большего объема сведений, а во-вторых, тот факт, что М.В. Ломоносов описывал, как и Татищев, прежде всего политическую историю.

У прочих историков XVIII в. еще меньше тематических сведений в их трудах. Тем не менее некоторые моменты представляют интерес. Например, сенатор и историк М.М. Щербатов в своей «Истории Российской от древнейших времен» писал о таком явлении в жизни Руси времен князя Владимира, как пиры: «(Владимир) великие пиршества не токмо со своими боярами чинил, но также кушанья раздавал народу, и бедных деньгами ссужал» [8, с. 279]. Описывая последовавшие за началом христианизации мятежи волхвов в Северо-Восточной Руси, М.М. Щербатов касался экономического аспекта этих событий, который оказывал непосредственное влияние на быт и сознание простого народа. Он указывал: «Голод произвел нищету, а нищета – роптание и бунт, даже как нужда, понуждая к изобретению способов, принудила некоторых ехать вниз по Волге, где купя хлеба, от конечной гибели себя избавили» [8, с. 309]. Из этого следует, что в поисках пропитания жители Руси могли свободно перемещаться по различным землям.

Оппонент М.М. Щербатова И.Н. Болтин в первой части своей «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» уделил внимание такому элементу религиозной жизни языческой Руси,

как принесение жертв. Болтин писал, что жертвы были важны не сами по себе, а имели особое значение: помогали в сознании славян миру обновиться, т. е. освободиться от злых сил. Ради «обновления» совершались и другие обряды, например, поливания водой и разнообразные игрища [9, с. 54].

Заметно, что в работах историков XVIII в. не было подробного описания истории быта и повседневности Древней Руси и даже сколько бы то ни было значимого внимания этому вопросу как некой целостной проблеме. Сведения, касавшиеся быта и повседневности Руси, так или иначе являлись частью пересказов историками летописей. Авторы не рефлексировали над этими сведениями и не пытались выработать какой-либо подход к изучению указанных вопросов. По сути, большая часть «истории повседневности» от историков XVIII в. – это то, что можно назвать «обрядовой повседневностью», т. е. описания различных существовавших обрядов и обычаев у восточных славян и позже – на Руси.

Творчество же Н.М. Карамзина, находясь в основном в рамках «дворянской историографии», в вопросах изучения повседневности и быта Руси качественно отличается от опыта предшественников. Именно Н.М. Карамзин в специальных главах «Истории государства Российского» начал рассматривать самые разные аспекты быта и повседневности Руси как отдельную сферу истории. К примеру, десятая глава первого тома «Истории...» называется «О состоянии Древней России». Эта самая категория («состояние») являлась у исследователя по сути ничем иным, как прообразом понятий «быт» и «повседневность» в современном понимании [10, с. 86]. Приведем один из самых ярких примеров рассмотрения Н.М. Карамзиным древнерусского быта и повседневной жизни. Историк писал: «Друзья Владимира, обедая у Князя, ели серебряными ложками. Мед, древнее любимое питье всех народов Славянских, был еще душою славных пиров его; но Киевляне

в Олеговы времена уже имели вина Греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец Индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги и проч.» [11, с. 323]. Здесь мы видим очень качественное для своего времени описание повседневности знати: Н.М. Карамзин говорил о конкретных вещах – «мелочах» (одежде, пище, столовых приборах), чего до него не делал ни один историк. В этом состоит важнейший вклад «государственного историографа» в изучение поставленных вопросов.

Таким образом, уже в первый этап научного развития русской исторической мысли (хотя и в его конце) сложились основы того, что можно с поправкой на методологические различия назвать «историей быта и повседневности». В целом важно отметить, что Н.М. Карамзин и историки XVIII в. (заложившие основы, на которые тот смог опереться в своем творчестве) определили основы историко-описательного подхода в изучении аспектов быта и повседневности Древней Руси. Это значит, что как минимум они сделали дальнейшее развитие изучения поставленных нами вопросов возможным.

Во второй период (условно 1826–1870 гг.) происходит бурное развитие русской исторической науки: формируются различные школы, концепции, расширяется источниковая база, сменяются поколения историков. Историческими изысканиями увлекается славянофильская мысль, возникает «государственная школа» в лице таких историков, как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и С.В. Соловьев, а труды А.Н. Афанасьева и Н.И. Костомарова дают толчок развитию отечественной этнографии.

В первые десятилетия после «Истории государства Российского» не заметно качественно новых приемов изучения древнерусского быта и повседневной жизни. Историки предпочитали описывать и реконструировать «внегосударственную жизнь» с опорой на письменные

источники. К примеру, Н.А. Полевой в «Истории русского народа», говоря о типичном ходе повседневной жизни древнерусского человека, так описал его жилище и быт: «В низкой, бедной хижине, где дым растопался из черной печи, где вместе с ним жили и домашние животные, русс отдыхал после труда тяжкого, ибо несовершенство орудий ремесленных и художественных, малая плата и трудность сбыта произведения требовали такого труда. Он также откладывал что мог на черный день, и только на клад свой мог надеяться. Гость подвергался страшным опасностям, отправляясь на торг по лесам и пустыням, боясь монополий княжеских, разбойника, иноплеменника, неприятеля, и – даже дикого зверя» [12, с. 101]. Петербургский историк Н.Г. Устрялов рассматривал город восточных славян как структуру, создающую особый тип жизни, позволяющий развить элементы гражданского общества. Он писал: «...города могли быть ничтожны, могли состоять из хижин, огражденных тыном или рвом для защиты от лютых зверей и хищных соседей; но там люди соединялись родством, дружбою, там была колыбель гражданского общества; открывалась первая, главная ступень к общности, к понятию о выгодах общежития» [13, с. 41].

В указанный период характерно то, что историей активно занимались не только историки, но и мыслители, философы, правоведы. Многие из них примыкали к славянофильству. Взгляды славянофилов в контексте их оценок древнерусского быта и «национального характера» представляют интерес для нашей темы. Один из родоначальников славянофильской мысли А.С. Хомяков в своей работе «Вехи истории отечества» писал об основах жизни Руси: «Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального» [14, с. 221]. Идею особого отношения древнерусского человека к закону и справедливости развил К.С. Аксаков: «В русской истории нет ни одного восстания против власти в пользу

народных политических прав. Сам Новгород, раз признав над собою власть царя Московского, уже не восставал против него в пользу своего прежнего устройства. В Русской истории встречаются восстания за законную власть против незаконной; законность иногда понимается ошибочно, но, тем не менее, такие восстания свидетельствуют о духе законности в Русском народе» [15, с. 54]. Как видим, для славянофилов было важно не столько изучить особенности древнерусского быта и повседневной жизни, сколько найти в данных источников подтверждение своим представлениям о тех или иных сторонах нравов и этики древнерусского народа.

Однако было и одно важное исключение из этой тенденции славянофильства – творчество историка М.П. Погодина. В «Древней русской истории до монгольского ига» Погодин развил наследие Н.М. Карамзина, подробно описывая многие аспекты быта и повседневности Руси. Характерный отрывок содержит упоминание историком посуды, напитков, одежды и обуви, распространенных на Руси. «Из посуды в летописях упоминаются сосуды серебряные и золотые, блюда, чаши, кубки, котлы, стекляницы, горшки. В песнях – чары, стопы зелена вина, меду ярого, пива пьяного. Одежда на Руси иначе называлась «платье» или «порты» (более повседневный вариант). Нижняя одежда называлась сорочкой и рубашкой, верхняя – корзно (княжеский плащ) и епанча. Из обуви известны (помимо очевидных сапог и лаптей) чеботы и черевья» [16, с. 522–523].

Второе (помимо славянофильства) важное направление этого времени – «государственно-юридическое». Его представители в основном изучали право, а не быт Древней Руси, и потому в изучении интересующих нас вопросов во многом совпадали со славянофилами. Например, К.Д. Кавелин следующим образом характеризовал бытовые нравы славян и начального периода Древней Руси: «Спокойные, миролюбивые, они (славяне) жили постоянно на своих местах. Начало

личности у них не существовало. Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувства особенности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других» [17, с. 57].

Если вершиной развития славянофильской мысли в исторических исследованиях является нарратив М.П. Погодина, то в «государственной школе» – это «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Фундаментальный труд содержит столь много интересующих нас сведений, что имеет смысл остановиться лишь на обозначении самых важных аспектов освящения быта и повседневности Руси С.М. Соловьевым. Он рассматривал множество различных аспектов «состояния» Руси – именно это понятие в духе Карамзина использовал историк в главах томов своего труда. «Состояние» является для него совокупностью «фоновых» характеристик жизни Руси: быта, повседневности и нравов. С.М. Соловьев с опорой уже не только на письменные, но и фольклорные источники писал о жилищных условиях разных слоев древнерусского населения, о питании и одежде, о торговле и ремеслах, об устройстве семьи и брака на Руси, об аспектах религиозно-праздничной повседневности.

Но принципиально новым в труде Соловьева по сравнению с предшественниками является его обращение к повседневности как таковой – не просто через призму общего бытописания, а именно как внимание к «обыденному и повторяющемуся», сугубо частному. Приведем два ярких примера подобного обращения С.М. Соловьева к повседневности. Историк описывал распорядок дня князя: «из летописных известий видно, что князья три раза в день садились за стол: завтракали, обедали, ужинали; час завтрака, обеда и ужина определить нельзя, можно видеть только, что обедали прежде полуден; ... вста-

вали до свету и скоро после того завтракали: при описании Липецкой битвы говорится, что князь Юрий прибежал во Владимир о полудни, а битва началась в обедню пору (в обед год); в полдень уже ложились спать» [18, с. 85]. Также интересен отрывок, раскрывающий повседневность состоятельных горожан: «об этой частной жизни до нас дошли чрезвычайно скудные известия; знаем, что были очень богатые люди, в домах которых можно было много пограбить, таковы были, например, Мирошкиничи в Новгороде, у которых народ в 1209 году взял бесчисленные сокровища, остаток разделили по зубу, по три гривны по всему городу, но другие побрали еще тайком, и от того многие разбогатели; как ни толковать это место, все выходит, что каждый новгородец получил по три гривны» [18, с. 87]. Сделаем вывод: С.М. Соловьев расширил круг вопросов русской жизни и углубил их изучение, доходя до осознания повседневности и частной жизни как важной части общей истории. Именно он окончательно укоренил введенные Н.М. Карамзиным в исторические исследования категории «состояние», «быт» и «нравы».

С 50-х г. XIX в. начинается развитие отечественной этнографии, связанное с поиском и анализом всех видов фольклора в попытках реконструировать по ним черты быта и сознания далеких предков. В 1865 г. случилось важное событие в отечественной науке – был издан первый том работы А.Н. Афанасьева под названием «Поэтические воззрения славян на природу». Пожалуй, это было первое в отечественной истории исследование, где предметом изучения был не общий политический или социальный процесс развития государства, а именно то, что можно назвать внегосударственной жизнью: быт, нравы, верования, сознание древних славян и позже жителей Руси. Если ранее мы имели дело с работами, так или иначе анализировавшими событийную историю, то работа А.Н. Афанасьева стала первой в Рос-

сии, посвященной истории «структурной». Исследователь изучает константы общества, его бытия и сознания. Их можно считать статичными: в течение веков они не претерпевали изменений. Их важнейшим выражением для А.Н. Афанасьева являются мифы и легенды.

Главным образом «Поэтические воззрения» посвящены славянскому фольклору, но в труде А.Н. Афанасьева можно найти и немало информации об аспектах повседневности, быта и нравов на Руси. Важнейшим видом источников для Афанасьева являлся фольклор в виде былин, сказаний, сказок, песен, пословиц и поговорок. Приведем цитату исследователя о потенциале такого источника по истории быта и повседневной жизни, как обрядовая песня. «Для исследователя старины особенно важны обрядовые, названные так потому, что ими сопровождаются семейные и праздничные обряды. Это песни свадебные, похоронные заплачки и причитания, колядки, веснянки, троицкие, купальские и тому подобные. Они служат необходимым пояснением различных церемоний и игрищ, совершаемых в том или другом случае, и сохраняют любопытные указания на старинные верования и давно отживший быт» [19, с. 14]. Таким образом, если указывавшиеся ранее исследователи исходили в изучении важных нам вопросов из историко-описательного подхода, то А.Н. Афанасьев, с опорой на фольклор, сформировал новый подход, который мы можем назвать этнографическим, основанном на реконструкции.

Тесно связан с этнографией был также такой историк, как Н.И. Костомаров. Опираясь на данные письменных, фольклорных и вещественных источников, он так писал о жителях Древней Руси при первых Рюриковичах: «Они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки».

ки – пиво, мед, брагу; ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами» [20, с. 8].

Как видим, к началу 1870-х гг. вопросы быта и повседневности уже стали достаточно серьезным предметом внимания историков, вводящих в оборот все больше источников и использовавших в своих построениях больше новых (на то время) подходов.

Наконец, в период 1870–1917 гг. отечественная историография выходит на новый уровень развития, становится по настоящему само-бытной и все менее заимствует европейские теории. Именно в этот период выходят наиболее интересные и зрелые в плане проработанности тематики работы, посвященные вопросам состояния Древней Руси: быту, нравам, повседневности, духовно-религиозной жизни. Собственно, в этот период развивается методология и философия истории вообще, особенно в рамках совершенствования своих методов историками «московской школы». Также, безусловно, качественно развивается источниковедение, приемы интерпретации и критики источников (в этом основную роль играла уже «петербургская школа»). Приведем примеры рассмотрения вопросов древнерусского быта и повседневности известными историками этого периода.

В.О. Ключевский высказал любопытную мысль: «Благодаря распространению князей по Русской земле совершалось известное обобщение житейских отношений, нивелировка местной жизни: во всех частях земли устанавливались одинаковые бытовые формы, одинаковые общественные вкусы и понятия» [21, с. 130]. К сожалению, Ключевский не стал углублять эту мысль и не представил конкретные формы изменения древнерусской повседневности под влиянием усиления княжеской власти.

Ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков описывал такую структуру повседневности, как город. Он писал, что под городом в свое время понимался укрепленный и огороженный центр поселения – то, что позднее стало называться кремлем. «В этом центре помещалось начальство: стояла воеводская изба, тюрьма для „колодников“, тут же помещались склады оборонительных средств – пороха, свинца и другого казенного имущества. В городе жили приказные люди для управления и ратные люди для обороны в случае осады». При этом торгово-промышленное население жило в посаде, вне «города» [22, с. 178].

С методологической точки зрения весьма интересны некоторые моменты «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина. Историк отметил важную проблему – несовпадение наших представлений о быте, нравах, вкусах и привычках древности с реальностью прошлого. Это раскрывается на примере отношения к Кириллу Туровскому: «Нередко исследователи нашего времени восхищались красотами речей Кирилла Туровского, а он сам сознается, что его проповеди собирались слушать немногие» [23, с. 220]. На примере работы К.Н. Бестужева-Рюмина мы можем наблюдать дальнейшее развитие русской исторической науки: в указанный период она стала не просто описывать быт и повседневность Руси, но и пытаться теоретически осмыслить их.

С.Ф. Платонов описывал духовный быт языческой Руси: «Была весенняя тризна по предкам – „радуница“, был летний праздник „русалий“ такого же поминального характера. Обряды, сопровождавшие языческие праздники, пережили самое язычество. Они удержались в народе даже до нашего времени и были приурочены к праздникам христианского календаря: коляда – к Святкам, проводы зимы – к масленице, красная горка и радуница – к Святой и Фоминой неделям, „купала“ и русалий – к Иванову дню» [24, с. 55].

Отдельно в историографии интересующих нас вопросов стоят такие исследователи, как И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, Е.В. Аничков и Н.М. Гальковский. Именно они вывели изучение быта и повседневности Руси на новый уровень с точки зрения развития как теории, так и источниковой базы. Так, И.Е. Забелин и Д.И. Иловайский стали одними из первых русских историков привлекать для исследований результаты археологических раскопок. С опорой на вещественные источники они точнее предшественников реконструировали детали быта населения Руси, такие как одежду и вооружение. И.Е. Забелин в своей «Истории русской жизни» писал: «Для шитья одежды употребляли иглы и шила бронзовые и железные, малые и большие, а также и сделанные из кости. Любопытно, что для сохранности иголок употребляли кожаные футлярчики. Употребляли малецькие булатные ножички вроде наших перочинных и маленькие оселки для точения таких ножиков, а также шил и иголок» [25, с. 388]. Очень важно, что сама категория «жизнь» для Забелина являлась именно тем, что описывает быт и повседневность, обыденные явления. И.Е. Забелин сделал методологически важнейшее замечание: «Собственная наша летопись не дает никаких определенных и ясных сведений об этом особом существе древнерусского развития, быть может по той причине, что летописная память смотрела на промысловой и торговый быт своей земли, как на дело повседневное, обычное, всем известное, о котором нечего было говорить. Ни событий, ни подвигов, достойных особой памяти, здесь не случалось. Из года в год, изо дня в день здесь происходило все одно и то же. К счастью, об этих повседневных русских делах рассказывают чужеземцы, современники новорожденной Руси» [25, с. 356–357].

Д.И. Иловайский, помимо всего прочего, глубоко изучил вопрос древнерусского питания, не только описывая собственно входившие в повседневный рацион продукты, но и приводя интересные сведения о непростых отношениях церкви с традициями древнерусского питания.

«Предки наши не только ели тетеревей, рябчиков, журавлей, оленей, лосей, туров, вепрей, зайцев, и пр., но не гнушались медвежатиной и белками, против чего восстало духовенство, относя их к „скверне“, т. е. к нечистым животным. Духовенство восстало и против употребления в пищу животных, хотя бы чистых, но не зарезанных, а удушенных, считая последних „мертвечиной“; сюда относил оно тетеревей и других птиц, которых ловили силками» [26, с. 310].

Незадолго до революций вышли две принципиально важные работы: «Язычество и Древняя Русь» Е.В. Аничкова и «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» Н.М. Гальковского. Главным образом эти труды посвящены проблеме христианизации и структуре древнерусского язычества. Но также они являются отражением развития историографии вопросов быта и повседневности Руси, особенно религиозной сферы. Продолжая лучшие традиции А.Н. Афанасьева, эти работы показали потенциал этнографии и фольклористики в изучении вопросов быта и структур повседневности. Фольклорист и историк литературы Е.В. Аничков, к примеру, много внимания уделял такому явлению древнерусской повседневности, как княжеский пир. Он не просто описал пир как процесс по известным летописям, но и говорил о его изначальном смысле, делающим пиршество важным действием для всех категорий населения. «Пир, таким образом, одновременно и милостыня. Древний пир всегда был более или менее для званых и незваных, и никогда, ни в коем случае, как в наши времена, не для избранных. Излишняя щедрость пиров, их размах и злоупотребление едой и алкоголем, собственно, и было тем, что обличали христиане как дух язычества. Они стремились ограничить это, но не запретить сами пиры» [27, с. 195].

Этнограф и филолог Н.М. Гальковский, изучая, помимо прочего, развлечения на Руси, в главе «Игры и пляски» указывал, что «на одной фреске изображены плясуны и музыканты, играющие на дудке,

трубах, гусях и литаврах; были известны и акробатические представления. Обычай иметь при дворе музыкантов и танцовщиков, вероятно, заимствован нашими князьями из Византии» [28, с. 322]. Таким образом, заметно, что круг рассматриваемых вопросов «русской жизни» в работах историков-археологов типа И.Е. Забелина и Д.И. Иловайского, а также этнографов и фольклористов значительно расширился. Этому способствовало дальнейшее развитие русской исторической науки, достижение ею все большей самостоятельности и накопление опыта.

Итак, по итогам нашего анализа можно сделать следующие выводы о тенденциях развития отечественной дореволюционной историографии поставленных вопросов: во-первых, с XVIII по начало XX в. постепенно расширяется источниковая база исследователей. Если «дворянские историографы» черпали сведения о «состоянии» Руси лишь по письменным источникам, то с подачи А.Н. Афанасьева и С.М. Соловьева российская историческая наука заметила потенциал источников фольклорных и этнографических. В третий период, примерно с 1870-х, к исследованиям подключались археологические источники.

Во-вторых, происходит совершенствование историографии с методологической точки зрения. Долгое время аспекты быта и повседневности рассматривались исходя из историко-описательного подхода. В дальнейшем теория и методология в трудах русских историков становится все более сложной: появился этнографический подход, стали предприниматься попытки осмысления быта как отдельного явления в истории, вводились новые понятия и категории для обозначения «статичной стороны» истории: «состояние», «строй», «жизнь», «быт».

В-третьих, в работах исследователей расширяется содержание рассматривавшихся нами вопросов. Внимание исследователей сосредотачивалось на все большем количестве структур повседневности:

не только «общины», но и «двора», «города», «князя» и т. д. Если изначально во внимание историков попадали аспекты главным образом религиозно-праздничной повседневности, то в дальнейшем подключалось рассмотрение военной, городской, сельскохозяйственной повседневности, вопросов отношений полов и социальных слоев. С этим связано и то, что мы в итоге можем назвать макротенденцией историографии обозначенных вопросов: дореволюционная историография постепенно эволюционировала из бытописания в «историю повседневности» своего времени; «жизнь» из «фона», достойного лишь краткого упоминания в контексте крупных исторических событий и процессов, превращалась в осознанный феномен истории, что заметно по трудам исследователей конца XIX – начала XX в. Таким образом, русскую дореволюционную историографию быта и повседневной жизни Древней Руси можно считать качественно развивавшейся и отвечавшей тенденциям развития мировой исторической науки того времени.

Список литературы

1. Богданов А.П. Повседневная жизнь Древней Руси. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 528 с.
2. Георгиева Т.С. Русская повседневная культура. Обычаи и нравы с древности до начала Нового времени. – М.: Ломоносовъ, 2015. – 217 с.
3. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI–XIII вв. – СПб.: ЭКСМО, 2017. – 592 с.
4. Петров А.В. Поворотное событие в изучении древнерусской «повседневности»: о книге В.В. Долгова «Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв.» // Петерб. славян. и балкан. исслед. – 2017. – № 1 (21). – С. 170–175.
5. Рудковская И.Е. Ретроспективный взгляд на предысторию микроисторических исследований в отечественной историографии (XIX – начало XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 2 (6). – С. 57–59.
6. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён... Т. 1. – М., 2005. – 568 с.
7. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года... – М., 1950. – 146 с.
8. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен: в 7 т. – Т. 1. – СПб., 1771. – 402 с.
9. Болтин И.Н. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. – Т. 1. – СПб., 1798–1799. – 233 с.

- 10 Резанов А.Д. Н.М. Карамзин как родоначальник изучения древнерусского быта и повседневной жизни // *Ист. повседневности*. – 2019. – № 4 (12). – С. 81–93.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 1. – СПб., 1818. – 492 с.
12. Полевой Н.А. История русского народа. – Т. 1. – М., 1829–1833. – 474 с.
13. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 г.: в 2 т. – Петрозаводск, 1997. – 957 с.
14. Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М., 2008. – 784 с.
15. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // *Русская социально-политическая мысль, 1850–1860-е г.: хрестоматия*. – М., 2012. – С. 54–77.
16. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. – М., 1871. – 401 с.
17. Кавелин К.Д. Государство и община. – М., 2008. – 1297 с.
18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 2006. – 1024 с.
19. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1995. – 824 с.
20. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. – М., 1995. – 766 с.
21. Ключевский В.О. Курс русской истории: полн. изд. в 1 т. – М., 2011. – 1197 с.
22. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. – СПб., 1896. – 223 с.
23. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. – Т. 1. – М., 2018. – 640 с.
24. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 2006. – 492 с.
25. Забелин И.Е. История Русской жизни с древнейших времен. – Ч. 2. – М., 1879. – 520 с.
26. Иловайский Д.И. История России. – Т. 1. – Ч. 2. – М., 1876. – 337 с.
27. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – М., 2003. – 440 с.
28. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – М., 2000. – 700 с.

References

1. *Bogdanov A.P. Povsednevnaya zhizn' Drevnej Rusi* [Ancient Rus' everyday life]. – М., 2016. – 528 p.
2. *Georgieva T.S. Russkaya povsednevnaya kul'tura. Obychai i nnavy s drevnosti do nachala Novogo vremeni* [Russian everyday culture. Customs and mores before modern era]. – М., 2015. – 217 p.
3. *Dolgov V.V. Byt i nnavy Drevnej Rusi: miry povsednevnosti XI–XIII vv* [Life and customs of Ancient Rus'. Everyday life worlds of the 11th – 13th centuries]. – SPb., 2017. 592 p.
4. *Petrov A.V. Povоротное sobytie v izuchenii drevnerusskoj «povsednevnosti»: o knige V.V. Dolgova «Byt i nnavy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI–XIII vv.»* [A turning point in the study of the Old Russian «everyday life». About the monography of V. Dolgov «Life and customs of Ancient Rus'. Everyday life worlds of the 11th – 13th centuries»] // *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana]. – 2017. – № 1 (21). – P. 170–175.
5. *Rudkovskaya I.E. Retrospektivnyj vzglyad na predystoriyu mikroistoricheskikh issledovanij v otechestvennoj istoriografii (XIX – nachalo XX vv.)* [A retrospective look at the background of microhistorical studies in Russian historiography] // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. – 2009. – №2 (6). – P. 57–59.
6. *Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremyon... T. 1.* [Russian History Dating Back to the Most Ancient Times... Vol.1]. – М., 2005. – 568 p.

7. Lomonosov M.V. *Drevnyaya Rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda...* [Ancient Russian history...]. – M., 1950. – 146 p.

8. Scherbatov M.M. *Istoriya rossijskaya ot drevnejshih vremen (v 7 tomah)* [History of Russia from the Earliest times, Vol. 1]. – SPb., 1771. – 402 p.

9. Boltin I.N. *Podrobnaya letopis' ot nachala Rossii do Poltavskoj batalii. T. 1.* [Detailed chronicle from the beginning of Russia to the battle of Poltava]. – SPb., 1798–1799. – 233 p.

10. Rezanov A.D. N.M. *Karamzin kak rodonachal'nik izucheniya drevnerusskogo byta i povsednevnoj zhizni* [N.M. Karamzin as a founder of the study of ancient Rus' daily routine and everyday life] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2019. – №4 (12). – P. 81–93.

11. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 1* [History of the Russian state. Vol. 1]. – SPb., 1818. – 492 p.

12. Polevoy N.A. *Istoriya russkogo naroda. T. 1* [The History of the Russian People. Vol.1]. – M., 1829–1833. – 474 p.

13. Ustryalov N.G. *Russkaya istoriya do 1855 g., v 2-h tomah* [The History of Russia in 2 vols.]. – Petrozavodsk, 1997. – 957 p.

14. Khomyakov A.S. *Vsemirnaya zadacha Rossii* [The Worldwide Mission of Russia]. – M., 2008. – 784 p.

15. Aksakov K.S. *O vnutrennem sostoyanii Rossii. Russkaya social'no-politicheskaya mysl', 1850-1860-e gody. Hrestomatiya* [About internal state of Russia. Russian socio-political thought, 1850–1860s. Anthology]. – M., 2012. – S. 54–77.

16. Pogodin M.P. *Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga* [Ancient Russian history before mongol yoke]. – M., 1871. – 401 p.

17. Kavelin K.D. *Gosudarstvo i obshchina* [The State and Commune]. – M., 2008. – 1297 p.

18. Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia from the Earliest Times]. – M., 2006. – 1024 p.

19. Afanasyev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov* [The Poetic Outlook on Nature by the Slavs]. – M., 1995. – 824 p.

20. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatel'ej. Kn. 1* [Russian History in Biographies of its main figures. Book 1]. – M., 1995. – 766 p.

21. Klyuchevsky V.O. *Kurs russoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [The course of the Russian history]. – M., 2011. – 1197 p.

22. Milyukov P.N. *Oчерки по истории русскоj культуры. Част' 1. Naselenie, ekonomicheskij, gosudarstvennyj i soslovnyj stroj* [Outlines of Russian Culture. Part. 1] SPb., 1896. – 223 p.

23. Bestuzhev-Ryumin K.N. *Russkaya istoriya. T. 1* [Russian history. Vol.1]. – M., 2018. – 640 p.

24. Platonov S.F. *Polnyj kurs lekcij po russoj istorii* [Full course of lectures on Russian history]. – M., 2006. – 492 p.

25. Zabelin I.E. *Istoriya Russoj zhizni s drevnejshih vremen. Chast' 2* [The History of the Russian mode of life from the Earliest times. Chapter 2]. – M., 1879. – 520 p.

26. Ilovaysky D.I. *Istoriya Rossii. Tom 1. Chast' 2* [The history of Russia. Vol. 1, chapter 2]. – M., 1876. – 337 p.

27. Anichkov E.V. *Yazychestvo i Drevnyaya Rus'* [Paganism and Ancient Rus']. – M., 2003. – 440 p.

28. Gal'kovsky N.M. *Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnej Rusi* [The struggle of Christianity with the remnants of Paganism in Ancient Rus']. – M., 2000. – 700 p.